

Чувствуя свое превосходство надъ остальными слушателями, она все время какъ-то была насторожѣ и каждый разъ на вопросы „Де це?“ и „Хто це?“ спѣшила объяснить, въ чемъ дѣло. Впрочемъ, не она одна, а и другія силились справиться по мѣрѣ возможности съ этими иноземными именами и векорѣ перекрестили ихъ по-своему. Такъ, напр., герцогъ бургундскій и герцогъ корнвалльскій стали извѣстны подѣ общимъ именемъ „зятя“, графъ Кентъ—„той, що прогналы за правду“, Эдгаръ—„законный“, Эдмундъ—„незаконный“ сынъ, дочери Лира—„старша дочка“, „серѣдня“ и „молодша“ и т. д.

Забѣганія впередъ свекрови начались съ первыхъ страницъ, и не успѣла Гонерилья произнести свою напыщенную рѣчь, какъ она, наклоняясь въ правую сторону къ бабѣ Марьѣ, сказала шопотомъ: „бреше!“

— Что скажешь ты?—обратился король Лиръ къ младшей дочери.

„Ничого“ отвѣчала свекровь прежде, чѣмъ Корделія произнесла „ничего!“

„У ней у серци слова, а не на устахъ“ сказала ея сосѣдка, при чемъ для насъ стало ясно, что не одна только свекровь понимаетъ короля Лира.

Прямота графа Кента всѣмъ понравилась и изгнаніе его вызвало общее сожалѣніе.

„Цей кричко правду держыты!“

„Вірный слуга!“

„По правді каже!“ говорили крестьяне.

„Ще бъ не казаты, колы вінъ скількы літъ коло царя“ замѣтилъ кто-то.

„А хйба коло царя недобрыхъ людей нема!“ возразили ему.

При появленіи короля французскаго и герцога бургундскаго свекровь опять наклонилась къ бабѣ Марьѣ и тихо пояснила: „Ті, що сватають!“

Я сидѣла съ нею рядомъ, съ лѣвой стороны, а потому слышала все до слова, что говорила она. Впрочемъ шопотъ этотъ былъ довольно выразителенъ, и свекровь была очевидно не прочь, чтобы онъ былъ слышенъ одной только мнѣ. Замѣтно было однако, что она побаивалась раздражительной и рѣзкой старостихи, которая каждый разъ взглядывала на нее сурово своимъ косымъ глазомъ.

„А чи возьме вінъ ии безъ прѣданого?“ возбудилъ кто-то вопросъ по поводу герцога бургундскаго.

„Не возьме!“ вырвалось громко у свекрови.

„Безъ нічого полюбывъ!“ говорили сочувственно о королѣ французскомъ.

„Судять вже, ще нічого не бачившы“ сѣтовали крестьяне по поводу старшихъ дочерей Лира, начавшихъ тотчасъ послѣ передачи власти осуждать отца.

„Побачите ще, шо далі буде“ не выдержала опять свекровь и боязливо взглянула на старостиху.

„Самъ сочинывъ!“ заявила она тихо бабѣ Марьѣ по поводу подложнаго письма Эдмунда.

„Безвынно обвинуватятъ!“ произнесъ въ то же время кто-то, очевидно такъ же понимающей значеніе этого письма.

„Прожене батька якъ той, шо молодшу прогнавъ“ предсказывалъ кто-то, сравнивая положеніе Эдгара съ положеніемъ Корделіи.

„Ачь, які лестонадні!“ „Охъ, тай лицемиркы жъ!“ „Вігодують по місяцу!—нічого

казаты!“ говорили между тѣмъ о Гонерильѣ и Реганѣ, припоминая, какъ онѣ льстили отцу, и какъ теперь относились къ нему.

„И у насъ те жъ саме!“ говорила одна изъ женщинъ печально, очевидно подѣ тяжестью собственного домашняго горя.

„Обидві выженуть!“ шептала бабѣ Марьѣ свекровь. Проклятія Лира вызвали слезы на глазахъ женщинъ, настолько они казались имъ ужасны и столько слышалось имъ въ этихъ проклятійхъ душевнаго страданія.

„Не тількы міжъ нами,—і міжъ царями горе!“ говорила одна изъ женщинъ, утирая слезы.

Ироническія рѣчи шута вызывали сочувственный смѣхъ и были оцѣнены по достоинству.

Онъ хто правду руба!“ „Умнішь одъ много!“ „Не шуть, а шутныкъ!“ „Пече!“ говорили о немъ и вспоминали давно-прошедшія времена, когда при господахъ были тоже шуты и тоже отличались умомъ и остроуміемъ, хотя и назывались дураками.

Кто-то изъ грамотныхъ крестьянъ вспомнилъ о Балакиревѣ, а другой—старикъ разсказалъ о какомъ-то доморощенномъ шутѣ, потѣшавшемъ нѣкогда господѣ.

„Онъ хто не кыдае короля!“ говорили о шутѣ сочувственно впоследствии во время бѣдствій Лира.

Съ III-го дѣйствія замѣчанія почти прекратились. Но напряженіе первовъ было такъ велико, что одинъ изъ пожилыхъ крестьянъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, произнесъ съ какимъ-то ужасомъ: „Ажъ страшно слухаты!“..

„Воны тутъ уси корижуться!“ добавилъ другой.

Это общее настроеніе настолько подняло нервы самой чтницы, что она съ необычайной силой и драматизмомъ прочла потрясающую сцену въ стѣни. Это было уже не просто чтеніе, а граничило со сценическимъ искусствомъ.

Свекровь была права въ своихъ предсказанійхъ: кто-то громко всхлипывалъ, иные тихо плакали и утирали слезы, и всѣ безспорно были потрясены. Но, къ сожалѣнію, чтница плохо разсчитала свои средства, и послѣдній монологъ короля Лира ей не удался. Въ аудиторіи чувствовалось общее утомленіе, и казалось, рядъ предыдущихъ, потрясающихъ сценъ настолько притушилъ нервы, что никто уже не былъ въ силахъ плакать надъ новымъ несчастьемъ. Да и какъ было не утомиться!—Чтеніе длилось пять часовъ сряду съ получасовымъ промежуткомъ; въ хатѣ было тѣсно и душно; южное солнце немилосердно жгло, и термометръ показывалъ 35° градусовъ. Но никто, однако, не ушелъ домой до самаго конца этого продолжительнаго чтенія. Правда, иные выходили временами изъ хаты, чтобы хоть сколько-нибудь освѣжиться на воздухъ, но становились при этомъ у открытаго окна и продолжали слушать напряженно, боясь пропустить что-либо.

„Вы-жь міні, будьте ласкаві, прышліть зъ города цю кныжку! Хочъ ніякой не прысылайте, а цю-прышліть!“ говорилъ мнѣ горячо и настойчиво одинъ изъ крестьянъ, прощаясь со мною.

„И міні!.. и міні!“ послышалось еще нѣсколько голосовъ.

„Хочь нікому не посылайте, а мині прышліть!.. горячилась свекровь. — Бо вона в мене отгуть сыдыть!“

И она указала на сердце.

Одна изъ женщинъ, молчаливая и замкнутая, дальше другихъ прошла со мною изъ хаты, такъ какъ ей именно туда лежалъ путь.

— А что, Акулина? Можетъ, въ книжкѣ, которую я прочла вамъ сегодня, не все понятно?... — спросила я.

Она молча немного отстала отъ меня, и вдругъ я услышала сдержанныя рыданія.

— Развѣ можно не понять, у кого дѣти! ⁴⁾ — говорила она всхлипывая и даже какъ-то обидчиво. — Вонъ лучший изъ нихъ, тихій и послушный, умеръ у меня въ прошломъ году, а младшій чуть не бьётъ меня на старости лѣтъ!

И новый приступъ истерическихъ рыданій прервалъ ея рѣчь на полусловъ.

„Да! Она поняла „Короля Лира“ всѣмъ своимъ материнскимъ сердцемъ!“ невольно подумала я, сконфуженная своимъ неумѣтнымъ вопросомъ, и не зная, что сказать ей въ утѣшеніе.

Она молча простилась со мною и пошла дальше. Я долго смотрѣла ей вслѣдъ и видѣла, какъ она безпрестанно подносила къ глазамъ кончикъ своего траурнаго головного платка и какъ равномерно подергивались отъ рыданій ея худыя плечи.

На другой день свекровь пришла ко мнѣ въ хату по дѣлу. Воспользовавшись этимъ, я просила ее пересказать мнѣ „Короля Лира“. Я сообщила ей, что уѣзжаю завтра и что мнѣ хотѣлось бы записать ея пересказъ на память о нашихъ чтеніяхъ. Обыкновенно бойкая и развязная, она вдругъ чрезвычайно переконфузилась.

„Хочете я вамъ Хведіра пришло? (Федоръ — ея мужъ). Вінъ краще відъ мене розкажує“ торопливо заговорила она.

Но я кое-какъ ободрила ее и просила хоть коротко передать мнѣ все, что она знаетъ о немъ, какъ передавала бы она дочери своей Наталкѣ или кумѣ всю эту исторію. Пересказъ свекрови былъ довольно отрывоченъ. Она продолжала стѣсняться, но все-таки изъ ея словъ я видѣла ясно, какъ хорошо усвоено ею содержаніе „Короля Лира“.

„Такъ не перекажешь, якъ воно у книзі, — начала она. — Бувъ король Лиръ и въ нѣго три дочки було. Вінъ усіхъ трьохъ однаково любивъ. И прійшлося йому до старыхъ лѣтъ дожити. И прійхали до його два королі з другихъ странъ прывсватуватысь до молодшой дочки. Вызвавъ Лиръ своїхъ трьохъ дочокъ и запытавъ пры людяхъ, хто зъ нихъ бльше любить батька. Дві старшихъ лестылы на словахъ, а молодша хочъ и любила, та не зъуміла улестыты батька и він на неі розсердивсь и пры ділежу нічого їй не давъ: „Иды такъ, якъ стоишь, — куды хочеш!“ Изъ чужыхъ королів одинъ согласивсь їй узяти и въ свою сторону вывезты, бо полюбовъ. А батько розділивъ царство на двоихъ і взялысь вони батька по місяцу годуваты и сто чоловіківъ — прывслужныківъ коло нього держаты.

И догодувалы до того, шо зъ хаты въ глупу нічь выгнали, у бурю, у грозу; ворота зачыпылы і середь степу старого почуваты застапылы; а нічь була!..“

Свекровь остановилась. „Вернутыся до сліпого, чи що?“ вдругъ неожиданно сказала она. Я не поняла въ первую минуту въ чемъ дѣло. Оказалось, что она собиралась рассказывать о Глостерѣ.

„Вернусь... у прыдворного було два сыны, — продолжала она, — одиный законный, а другый — побочный; и побочный наговорывъ на законного, шо винъ хоче батька загубыть... и свекровь довольно подробно передала семейную драму Глостера. Остановившись на кровавой сценѣ вырыванія глазъ, она опять задумалась.

„Якъ же тутъ, шо й до чого прыложыты?! — спрашивала она самое себя, и перешла къ рассказу о войнѣ, объ Эдмундѣ, „якъ вінъ у гору шйшовъ и войско повівъ, якъ вінъ одолівъ, а не наши“, какъ выразилась она о французскомъ королѣ, о Лирѣ и Корделии, настолько очевидно, они были близки ей и настолько она имъ симпатизировала. Затѣмъ она перешла къ тому, „якъ Лира у степу знайшлы“, какъ привезли къ Корделии, какъ переодѣли его въ царскія одежды, какъ ждали пробужденія и „якъ вінъ проснувь і не знавъ, де вінъ і шо, і якъ йому соромно було їй в—вічи дывытыся, и якъ вінъ упавъ передъ нею навколошкы и кланявся, и плакавъ якъ мала дытына, и ласкавъ, и цілувавъ, и прощенія просывъ“.

„Ні! Треба ще разъ вертатыся! — перебила себя опять свекровь. — Треба казаты про тыхъ братівъ шо былыся... Э, ні! це далі було! Треба батька сліпого попереду на гору зводыты!“

И она возвратилась къ встрѣчѣ несчастнаго Глостера съ сыномъ и къ просьбѣ взвести его на высокую скалу, чтобы кинуться оттуда, и весьма картинно рассказала всю эту сцену. Она видимо перестала стѣсняться, такъ сказать, забылась, и говорила такъ быстро, что записывать за нею не было никакой возможности. Оставалось только съ удовольствіемъ и съ интересомъ слушать.

Затѣмъ она опять задумалась и перескочила къ тому, „якъ нашихъ у полонъ взяли, якъ сестры порізанысь, якъ їи, голубку, повісылы, а вінъ — не знісь, — сердце розірвалося, и якъ же сімейство перевелося ні-на-що“.

Досказывая конецъ, свекровь тихо плакала. „Теперь ще якось неначе не такъ жалібно, — говорила она, утирая слезы. — А якъ Евдокымъ читавъ, якъ почала я плакаты зъ бурі, — усе плакала, усе плакала до самого кінця“.

Итакъ, „Король Лиръ“ въ чтеніи 16-лѣтняго Евдокима, окончившаго сельскую школу, произвелъ на свекровь сильнѣйшее дѣйствіе, чѣмъ драматическое чтеніе учительницы. Оно и понятно: первыя впечатлѣнія обыкновенно сильнѣе и непосредственнѣе дѣйствуютъ на нервы. Случай этотъ говоритъ намъ за то, что читатель изъ народа и безъ посредства интеллигентнаго чловѣка умудряется справляться съ произведеніями великихъ писателей и черпать изъ нихъ эстетическое наслажденіе. Къ тому же въ вопросѣ этомъ есть и еще одна сторона въ пользу самостоятельнаго чтенія: читая въ одиночку, является

⁴⁾ Акулина жила наней въ господскихъ домахъ, а потому говорила по-русски.

большая возможность сосредоточиться на непонятной мысли, перечитать ее, задуматься над нею и добраться-таки до ее потаенного смысла.

Наблюдения, сообщенные нам из Московской воскресной школы, как нельзя лучше иллюстрируют высказанную мысль. Чтение трагедии Шекспира в группе взрослых учениц оказалось неудачным. Это произошло по всей вероятности и от отсутствия навыка к чтению и от их общей неразвитости. Учительница чувствовала себя сконфуженной от происшедшей неудачи. В это время одна из учениц подошла к ней и сказала наивно: „Позвольте мне эту книгу на дом! Почему же никуда вы читали ее: верно, хороша, а я не поняла!“

Само собою разумеется, что книга была выдана.

Через две недели ученица возвратила ее и просила учительницу переспросить, хорошо ли она поняла „Короля Лира“. Учительница охотно приняла ее предложение. Оказалось, что Пелагея У. прекрасно передала содержание драмы с начала и до конца и вполне правильно характеризовала действующих лиц. Очевидно, она много перечитала и передумала над книгой, прежде чем овладеть, наконец, правильным пониманием ее. Кроме того, в том же томъ находились: „Отелло“, „Много шуму“ и „Историческая хроника“. Последних она не стала читать, а „Отелло“ ей очень понравился.

Х. А.

728—736) Чтение шведских и норвежских писателей в деревне и в городе.

728) „Верность“, Бьёрнстерне-Бьёрнсона.

729) „Загадка жизни“, его же.

730) „Чистый флаг“, пер. с норвежского.

731) „Нора“, Ибсена.

732) „Враг народа“. (Д-р Штокман), Ибсена.

733) „Снежная зима“, Густава аф Гейерстама.

734) „Къ чему жить?“, Эрнеста Альгрена.

735) „Укоры совести“, Августа Стриндберга.

736) „Потонувший колоколь“, Г. Гаунтмана.

Четыре года прошло с тех пор, как я была в деревне и рассталась со своею деревенскою аудиторией. Правда, я не прерывала с нею окончательно некоторой нравственной связи: писала изредка письма, посылала книги; слышала послѣ моей тяжелой болѣзни, заставившей меня встать на воды за границу, как мои деревенские слушатели дѣлали складчину из своих скудных заработков и служили молебенью о моем выздоровлении; но все-таки, войдя четыре года спустя в знакомую хату, я чувствовала некоторое волнение при мысли, зайдут ли ко мне мои деревенские слушатели попрежнему, послѣ обѣдн и не будут ли чувствовать себя чужими, благодаря продолжительной разлуке. Эта душевная тревога осложнялась чувством невыразимой грусти при известии о смерти трех членов нашей „хатней семьи“. Умер Демьянъ, этот самородный философъ, глубоко задумывавшийся над вопросами жизни, взгляды и мнѣнія котораго были для меня особенно дороги; умерла тихая Александра, носившая на себѣ отпечаток какой-

то неземной кротости, доброты и мягкости. У обоих этих людей была одна общая черта—необычайная любовь и привязанность къ дѣтямъ. Демьяна подкосила окончательно смерть старшей дочери, а Александра, выдвигавшая свою любимицу далеко замужъ, таяла, таяла и умерла въ грусти по ней. Такова была по крайней мѣрѣ народная молва. Савелій Чалый давно жаловался на грудь, давно не давал себѣ отдыха въ усиленной работѣ на большую семью, и смерть его являлась болѣе ожидаемой. Но все-таки мнѣ было жаль до слезъ всѣх трех и казалось, что я утратила нечто особенно цѣнное, незамѣнимое и что въ нашей хатѣ не будетъ больше ни прежняго оживления ни прежней радости.

Подходя къ ней, я завидѣла издали четырех бабъ. Между ними была старостиха, и это явилось моею первою радостью. Мы вошли въ хату. Передъ изображеніемъ плащаницы въ углу теплилась уже лампадка; баба Параска хлопотала у самовара; на столѣ стояло блюдечко съ просвирой, раздѣленной на мелкія частицы; дѣдъ Бруско, одѣтый по-праздничному и сильно припороженный деревяннымъ масломъ, сидѣлъ у печки и улыбался. Бѣдный дѣдъ Бруско! Онъ оглохъ въ эти послѣдніе годы, и мы не услышимъ больше его остротъ по поводу прочитаннаго. Въ улыбку его попрежнему много ироніи, и онъ точно смѣется самъ надъ трагизмомъ своего положенія; но кромѣ ироніи его прекрасное, умное лицо озарено необычайной добротой и всѣ животныя—собаки, кошки, птицы—по-прежнему ютятся около него и состоятъ подъ его покровительствомъ. Да, глухота дѣда Бруска является для меня огорчительнымъ фактомъ, тѣмъ не менѣе въ хатѣ свѣтло и весело. Лучи яркаго солнца врываются въ окна сквозь густой вишнякъ и падаютъ и на лики иконъ, и на лубочныя картины, и на кусочки аляповатыхъ обоевъ, приклеенныхъ для украшенія къ стѣнѣ, и на морщинистое, желтое, иконописное лицо бабы Параски. Въ хату мало-по-малу прибываетъ народъ. Появляется величественная фигура бывшаго старшины Тимофея Безинскаго; входитъ старикъ Емченко, прибывшій изъ Троицкаго; за нимъ идетъ его высокая черноглазая жена; за нею тихо и скромно, крестясь на иконы, входитъ баба Марья. Я не рассчитывала видѣть ее: о ней мнѣ говорили съ сожалѣніемъ, что она на старости лѣтъ, выходя въ дѣтей и внуковъ, нанялась въ няни на сосѣдній рудникъ къ инженеру, и я очень удивлена и обрадована свиданіемъ съ нею. Я иду къ ней навстрѣчу въ сѣни и спрашиваю, что вынудило ее уйти изъ семьи, а она отвѣчаетъ мнѣ съ кроткой улыбкой: „подати“ и добавляетъ, что вся семья такъ грустила по ней, особенно внучата, что весною она совсѣмъ было рѣшила отойти, но инженеръ и его жена такіе хорошие, добрые люди, такъ просили ее остаться до осени высмотрѣть ребенка, что у нея не хватило духу покинуть ихъ. Баба Марья очень подалась или, какъ говорятъ у насъ въ Малороссіи, „подтопталась“ за послѣдніе годы: лицо ея сморщилось; во рту остался одинъ зубъ, и только добрые каріе глаза не тронуло время и работа въ наймахъ. Ей удалось выпроситься у господъ къ обѣднѣ и на чтение, и она, очевидно, была чрезвычайно